

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ И ПОЧИТАЕМЫЕ МЕСТА

В. В. ВИНОГРАДОВ

(Санкт-Петербург)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЧИТАНИЯ СВЯТЫХ МЕСТ (на материале Северо-Запада России)

Аннотация. На рубеже XX—XXI вв. произошли изменения в системе отношений «человек—почитаемое место». Они связаны с трансформациями представлений о сущности обета, формы моления, пути к святыне, свойств воды и т. д. Этому способствует функциональность местной святыни — ориентация на потребности людей. Не менее важным следует считать процесс нового «воцерковления» данных объектов.

Ключевые слова: почитаемое место, религиозный нарратив, ритуальные практики, Северо-Запад России, русские, вепсы.

Почитаемое место — одно из воплощений народной религиозности. Важнейшая функция местных святынь отражена в словесной формуле, которая часто повторяется в нарративах, — «*ходить Богу молиться*». Ключевым для «особого» локуса оказывается понятие «завет» (обет)¹ как комплекс ритуальных действий человека, направленных на решение разных жизненных ситуаций и поддержание устойчивости миропорядка в целом².

¹ См. употребление слова «обет» в библейских текстах [Симфония 1900, ч. 1, 739—740] и в русских говорах — «завет» [СРНГ-9, 309], «обет» и «овет» [СРНГ-22, 39, 295]. Специальные исследования на тему: [Кремлева 1994; Панченко 1998, 82—94; Белова 2004].

² Мы специально не употребляем термин Т. Б. Щепанской «кризис» [Щепанская

Сам по себе феномен почитаемого места, на первый взгляд, кажется неизменным, существующим в неизменном виде ни одно столетие — как некая «древность», сохранившая нам «прежние верования и обряды». Правда, при более детальном изучении особенностей функционирования как отдельного сакрального комплекса, так и всей сети подобных мест, существующей на определенной территории, приходишь к несколько иным выводам. Их можно свести к констатации необычайной пластичности данного явления и ориентированности на современность — на актуальные людские проблемы сегодняшнего дня. Ведь *завет* как раз и подразумевает решение непосредственных проблем. Исходя из этого правомерна постановка вопроса о современных тенденциях почитания святых мест. Данной проблеме будет посвящена настоящая работа. В основном она построена на материале полевых исследований 1994—2010 гг., проведенных автором на Северо-Западе России (Псковская, Новгородская, Ленинградская обл.).

Вначале приведем фрагмент рассуждений смотрительницы часовни во имя иконы Тихвинской Божией матери в урочище Антиево поле около д. Пашозеро³.

1999], так как «кризисная» форма хождения на святое место постоянно сочеталась и переплеталась с «календарной». За той или другой нельзя признать приоритета, так же как нельзя выделить их «чистые» виды. Скорее всего, разное сочетание того или иного побуждения к выходу в дорогу рождало наблюдаемое разнообразие проявления религиозного чувства.

³ *Антиево поле* — урочище на берегу оз. Пашозеро (Тихвинский р-н Ленинградской обл.). В начале XX в. тут располагалась помещичья усадьба. При ней стояла часовня; после ее разрушения на ближайшей березе

«Я ещё когда в библиотеке работала. Тогда ведь часто всех посылали... Ты библиотекарь или фельдшер, или кто... Картошку убирать, садить картошку — совхоз. Совхоз же тогда был. У совхозе были большие такие поля. И вот там старые женщины, ну, постарше поколение, такие женщины говорили, что вот тут именно была часовня. Но я в то время... Ну, мы же атеисты были. Сама читала «Беседы по атеизму», ходила по посёлку. Ну, вот. И что вот там, вот именно у этой берёзки была часовня. И что вот они туда ходили, пожилые женщины, туда ходили. Озеро там, купались, ну, не купались, они помоются, что святая водичка — раз тут часовня была. Вот. Вот тогда. Это было где-то уж двадцать с лишним лет назад, да, я работала. Да, восемьдесят седьмой <год>. <...> Тогда берёза была. Это ещё когда открывали часовню, там... сук. Вот она старая была — вообще, берёза старая. И вот когда... Шесть лет, наверное, уже, да? Четвёртого июля как раз будет. Когда привезли Тихвинскую из Америки? <Соб.: В 2004 г.> Да. Вот, из Чикаго-то. И вот... и тогда эта берёза — это как знамение было. Один сук зазеленел. Ещё все удивлялись: ну, надо же как! Вот. А потом её спилили, что она старая. А потом он уже всё, этот <сук>. Только вот в то время он позеленел. Всё, потом спилили. И теперь там ива или что там растёт. <...>

Ходят вот вообще... Первые годы я часто туда ходила. Многие ходят. И очень много, ну, мимо едут... они заходили. <Едут> туда, в Лаврово, даже в Корбеничи, даже вот. Ну, на Коптяево, сюда едут. Как-то вот часто на машинах. Ну, пожилым трудно туда — всё так далеко, пять километров. А ходили многие.

<Соб.: Вам как кажется, по праздникам или просто, когда получится?>

Невзирая на праздник... Но по праздникам там определённые... Вот верующие, там в кончике, я знаю, две женщины... Одна-то уже, Царство небесное, умерла... Даже ещё три... они обязатель-

была повешена икона. Когда береза засохла, «иконостасик» перевесили на иву. В 2004 г. на этом месте выстроена новая часовня. См. подробнее: [Виноградов 2008].

но, или на машинах, или... одна, дак, и пешком ходит — семьдесят с чем-то лет туда» (Зап. от Лидии Павловны Шиловой, 1947 г. р., д. Пашозеро, Тихвинский р-н, Ленинградская обл. (урож. д. Сяргозеро). Соб. И. Ю. Роготнев, А. А. Титова, Е. М. Четина. 2010 г.)⁴.

В представленном тексте отразилось изменение восприятия почитаемого места человеком за более чем 20 лет жизни. В этот временной отрезок Лидией Павловной был пройден путь от лектора «по вопросам атеизма» до смотрительницы часовни. На примере частного случая заметна динамика взглядов не только одного человека, но и всего общества в целом. Процессы, протекающие за последние два десятилетия, оказались воистину глобальными; изменилось отношение к вере, религии, церкви. Результаты таких трансформаций вошли в самую ткань повседневности. Не могли они не коснуться и почитаемых мест: для них настал очередной виток истории. Проследим динамику данного явления за последние сто лет.

В первой четверти XX в. на Северо-Западе России существовала развитая система святых мест⁵. Ее отличительной чертой можно назвать включенность почитаемых объектов в сакральное пространство церковного прихода. В значимый день (*праздник*) к ним совершались крестные ходы. Другой распространенный вариант — почитаемый источник располагался около церкви. После массового закрытия и уничтожения церквей, ликвидации часовен (начиная с 1930-х гг.) природные объекты

⁴ Пользуясь случаем, приносим благодарность исследователям, принявшим участие в совместных экспедициях на Северо-Запад России: А. А. Титовой (Тихвин); Т. Б. Щепанской, Е. В. Платонову (С.-Петербург); Е. М. Четиной, И. Ю. Рогтневу (Пермь). Все цитируемые в работе материалы находятся в личном архиве автора.

⁵ Она была характерна не только для сельской России. В крупных городах можно наблюдать свою сложную систему святых мест, история которых насчитывает не одно столетие. См., например: [Левкиевская 1997, 805—835; Добрякова, Полознев 2004, 260—267]. В данной работе мы ограничимся материалом, который относится к сельской традиции.

оказались чуть ли не единственными маркерами святых мест. Немалое значение приобрела вынесенность некоторых из них (источников, крестов, культовых камней) на периферию деревенской жизни. Активно продолжали посещаться те места, которые были удалены от глаз «бдительного» советского и партийного начальства. Все временные сооружения на почитаемых местах уничтожались активистами. Особенно ожесточенно на Северо-Западе России велась борьба с «местными культами» в конце 1950-х — начале 1960-х гг. [Савинова 1997]. «Ну, вот почему этот камышек ликвидировали-то? Потому что в этот день что угодно делай: всё равно люди шли. Они вставляли, вот этот Пал Михалыч вот у нас был тогда... Они тогда инструктором в райкоме был... инструктором называли. <...> И он возвращал людей. Вот идут... Там у нас такой прогон, и он в середине прогона стоит и возвращает. Дак обходили деревню стороной, всё ровно» (Зап. от Нины Ивановны Прокофьевой, 1939 г. р., д. Новоселицы, Маловишерский р-н, Новгородская обл. (урож. д. Колмыково). Соб. В. В. Виноградов. 1999 г.).

Неоднократное уничтожение различных сооружений у почитаемого места привело к тому, что «внешнему» наблюдателю (в том числе и исследователю) легко было принять почитание святого места (где стояла церковь, часовня, приходили на праздник предки ныне живущих людей) за почитание исключительно природных объектов, вплоть до «реликтов языческих культов». Такое впечатление усиливалось еще и тем, что у местного населения было специфическое отношение к святым местам. В условиях почти полной оторванности от церковной жизни, службы, проводимой священниками, активизировались специфические религиозные практики. Это было характерно для «экстремальной фазы» существования «деревенских» (впрочем, как и «городских») святынь. Многие более религиозно образованные миряне начали «править» моления у почитаемых мест. Почитаемые места, как святые локусы, в советское время оказались наиболее подходящими для вознесения молитвы,

сбора людей в христианские праздники. Во многом этому способствовало знание «старого места»:

«А у нас тут <была часовня>: напротив вот как раз моего дома, на этой стороне у моей изгороди. Камень огромный-то был. Вот! <...> Вот вы говорите, я... Я-то ведь все-таки давний ищё человек. А есть ищё люди дбнее меня. Ну, может быть, они в таких условиях жили, сохранили себя, прочие вещи. Так вот, которые знали здесь. <...> Представьте себе, да. Ну, видимо, ещё это тут всё это так вот это читилось. И люди знали это место. Так они и сейчас вот, если едут, вот они подходят к этому камню, молятцы. Это там про себя что-то говорят. Что там у них происходило? Не будешь спрашивать.

<Соб.: Это тот камень, который стоял при пороге часовни?>

Да-да-да. Вот. <...> Камень. <...> Одна старушка мне сказала: “О-о-ох! Вы на святом месте живёте. Вот уж, наверное, у вас не было там горя?”. Я говорю: “Как не было? Как не было?”. Так же и умирают...» (Зап. от Марии Ивановны Бахаревой, 1925 г. р., д. Пожарьё, Маловишерский р-н, Новгородская обл. (урож. д. Концы). Соб. В. В. Виноградов. 1999 г.).

Память о церковной службе и выработанные веками представления о способах контакта со «священным» привели к сложению своеобразного феномена народной религиозности второй половины XX в. Именно он в свое время заинтересовал полевых исследователей — фольклористов, этнографов, археологов.

Резкий поворот общества в сторону религии в конце 1980-х гг. не мог пройти для почитаемых мест незамеченным. Одним из важнейших процессов, начавшихся в это время, стало восстановление утраченной в годы главенства атеистической идеологии взаимосвязи между храмом и местной святыней. Этот процесс нельзя назвать однозначным, он сплетался из конкретных случаев и частных решений. Тем не менее, они позволяют проследить некоторые тенденции. Местные священники начинают служить на почитаемых местах. *«Там щас... щас берут батюшку. Раньше-*

то не было. Просто люди посидят, вина попьют — как, знаешь, щас. Водку пьют просто. Ну, это да... А щас батюшка приезжает. Приезжает батюшка, вить молебен служит. И люди вот туда ездят» (Зап. от Нины Ивановны Ильиной, 1930 г. р., д. Подгорная, Маловишерский р-н, Новгородская обл. (урож. г. Великие Луки, Псковская обл.). Соб. Е. В. Платонов. 2000 г.).

Многие трансформации в быту, произошедшие за последнее десятилетие, смена поколений деревенских жителей и изменение их мировоззренческих установок, резкое сокращение количества населения и исчезновение населенных пунктов внесли значительные коррективы в отношение к «особым» местам. Вместе с тем, в отличие от других традиционных ритуальных комплексов, известных нам в основном по описаниям, почитание святых мест продолжает активно бытовать в наши дни. Данный феномен чутко реагирует на все тенденции, характерные для современного общества. Такие изменения разными возрастными и социальными группами воспринимаются по-своему. Поэтому в наше время почитаемые места становятся сферой дискуссии. Остановимся на этом подробнее.

Поклонение святыне, действия человека в «особом» месте связаны с определенным ритуальным поведением. Здесь должно быть всё «правильно», что является гарантией успеха заветных отношений. У той или иной локальной группы существует своя «идеальная схема» действия у святого места; она описывается религиозным нарративом⁶, ей следуют богомольцы. При помощи этой схемы вырабатываются стратегии поведения в «особых» случаях, когда необходимо принятие решения. Правда, адекватные ответы на подобные вопросы тоже подсказывает традиция. На этом фоне происходят дискуссии внутри деревенского сообщества о «правильном» или «неправильном» поступке/поведении. Споры усиливает дифференцированность современного сельского сообщества — чужие/свои, старые/молодые, деревенские/городские, местные/дач-

ники и др.⁷ Спорные темы вызваны столкновением позиций поколений и культур.

Традиционные ритуальные практики, связанные с почитаемым местом, могут быть подвергнуты переосмыслению. Возникают «подозрения в язычестве»⁸ для ряда привычных действий, которые «родители делали и нам велели». Местные обычаи оцениваются с позиции массовой православной литературы⁹, проповедей в церкви. Временами это может привести к активному вмешательству «неофитов»: «<Соб.: А чего ж заветы¹⁰ сняли?> А я не знаю. Это у нас там одна женщина ходит. Она говорит, это тут не положено. Она всё собирает, всё выбрасывает. <...> Она с Олунчино. Тоже ленинградка какая-то, не знаю я её. <Соб.: Не местная?> Не местная, нет. <...> Пожилая. <...> Нет, я её как-то видела. Тоже пришла на Крестик, а она это всё собрала и выбросила (Зап. от Любови Константиновны Одиноквой, 1954 г. р., д. Орехово, Тихвинский р-н, Ленинградская обл. (урож. г. Ленинград; родители — местные уроженцы). Соб. В. В. Виноградов, И. Ю. Роготнев, А. А. Титова, Е. М. Четина. 2010 г.) (см. фото 1).

Надо отметить, что местное духовенство выработало более мягкие пути «исправления» народных суеверий¹¹:

⁷ Все эти признаки сложно соотносятся между собой. Например, мировоззрение людей одного возраста, родившихся в одном и том же месте, может кардинально различаться. Так, один человек всю жизнь провел в деревне, а другой, уехав в молодости в город, вернулся обратно только в старости.

⁸ Именно эти действия в советский период истории местным населением воспринимались как демонстрация своей православной веры. Они же в глазах исследователей второй половины XX в. оценивались как «пережитки дохристианских культов».

⁹ Существенное значение имеют и проповеди священников. Но этот вопрос требует особого рассмотрения, как и анализ современной православной литературы о святых местах России и православного мира.

¹⁰ Имеются в виду ленточки-подношения у почитаемого места «Крестчик» на р. Капша (Тихвинский р-н Ленинградской обл.).

¹¹ Оставление денег на почитаемом месте входит в понятие «завет». Однако не всегда возможно отличить два ритуальных действия: оставление монет «на свечу» или как жертву месту вообще.

«Вот батюшка приезжает с Вишоры, всё там... это... пропоёт, освятит. Денежки туды небросают. И потом запретил, говорит: ни бросайте. Было, молодежь пойдёт да соберёт эти денежки, дак... Так все клали на стол» (Зап. от Клавдии Васильевны Мининой, 1922 г. р., д. Концы, Маловишерский р-н, Новгородская обл. Соб. В. В. Виноградов, Е. В. Платонов. 2000 г.).

Не менее активно обсуждаются формы паломничества. Со словом «завет» часто соотносится глагол «ходить». «Правильное» богомолье по завету может совершаться пешком: *«Завет давали, в Рёконь пешком ходили»* (Зап. от Анны Макаровны, 1930-х гг. р., д. Рапля, Тихвинский р-н, Ленинградская обл. Соб. В. В. Виноградов. 2000 г.). С заветом могут сочетаться и другие слова, обозначающие действия, — «сездывать», «наехать». К почитаемому месту люди (кроме того, что «ходят») «едут». Использование этого глагола стало актуально в последние десятилетия, когда пеший путь начал больше и больше заменяться поездкой на автомобиле — «ездить по завету». В связи с этим возникает элемент дискуссионности. Путь и усилия, затраченные на его преодоление, являются значимой компонентой завета. Наши собеседники часто усиливают описания трудностей дороги, дикости мест, через которые пришлось пройти страждущему человеку, что делает завет более значимым. Долгий путь также характеризует и само место, превращаясь в своеобразную проверку его «истинности»: просто так люди не будут подвергать себя трудностям дороги.

В наше время к святыне преимущественно едут там, где это позволяют дороги. Сложности возникают с оценкой использования легковых машин. *«А всегда ходили пешком за этой святой водой. <...> А как-то и в деревне, кто ещё старые люди... Вот у нас к святому ручью... И машин много, там приглашаешь, другой раз едешь... "Садитесь!"*. Они, пока могут, идут пешком. Нет, к святому месту только своими ногами. Вот идут, не садятся. И обратно, тоже — никакой» (Зап. от Валентины Ивановны Дубовой, 1940-х г. р., д. Оксочи, Маловишерский р-н, Новгородская обл. (урож. д. Большое Заборовье).

Соб. В. В. Виноградов, Т. Б. Шепанская. 2004 г.). Таким образом, намечается конфликт между «идеальным» правилом, с одной стороны, и привычным уже видом транспорта — с другой. Этот вопрос еще однозначно не разрешен и время от времени возникает в разговорах. Для кого-то заехать на машине к святому источнику — нормально. Для других — этот факт подчеркивает чрезмерную доступность святой воды, что принижает ее сакральную значимость. Если применение индивидуального транспорта для совершения завета — вопрос дискуссионный, то использование для тех же нужд рейсового автобуса не вызывает никаких сомнений. Он как-то бесконфликтно стал частью

1. «Крестечик» на р. Капша, Тихвинский р-н Ленинградской обл. Фото В. В. Виноградова, 2011 г.

«правильного» пути к почитаемому месту. Видимо, такая ситуация связана с тем, что автобус просто подменил другие средства передвижения, которыми раньше пользовались богомольцы. «А вот ко Спасу кажйнный год, вот пока помоложе были... на лошадах и пешком» (Зап. от Евдокии Тимофеевны Лавровой, 1912 г. р., д. Ставичёк, Любытинский р-н, Новгородская обл. (урож. д. Обрус). Соб. В. В. Виноградов. 2000 г.).

Приведем характерную осуждающую реплику по отношению к людям, едущим на машинах к святому источнику: «За водой главное ездят, за водой!». Свойства воды и способы ее использования — тоже предмет дискуссий. Вода, взятая на почитаемом месте, — это «святость» (термин Т. Б. Щепанской) и не может использоваться как «просто» питьевая. «Я вот, если что, я возьму разка два-три хлебу, и мне что-то полегче... желудок... от этой водички» (Зап. от Марии Григорьевны Яковлевой, 1914 г. р., д. Змеева Новинка, Киришский р-н, Ленинградская обл. Соб. В. В. Виноградов, Е. В. Платонов. 2000 г.). Такое потребление воды из «особого» родника несколько противоречит современной тенденции использования святого источника как места забора «экологически чистой» воды в больших объемах. «У кого возможность есть, тот, значит, питьевую воду... берёт». Такое утилитарное использование плохо соотносится с традиционными представлениями о завете и заветных действиях, что остро чувствуется носителями традиции: «Воду-воду. Оны за водой ездят. Дак вот. Да. А раньше ходили Богу помолитцы» (Зап. от Марии Григорьевны Яковлевой, 1914 г. р., д. Змеева Новинка, Киришский р-н, Ленинградская обл. Соб. В. В. Виноградов, Е. В. Платонов. 2000 г.).

Зримые свойства святой воды — чистота («Чистая-чистая водичка») и прозрачность («Там вода была прямо... янтарная»). Часто её характеризуют «серебряной» [Шеваренкова 2004, 147—149]. Такое определение можно понимать как метафору — вода чистая, прозрачная, серебрится: «Помо-
ютцы водичкой. Водичка как серебряна

бежит». Вместе с тем, данная характеристика может восприниматься и буквально: «Она, вот как папа мой говорил, она бежит через какой-то вот серебряный крест. <...> В ей много сёребра. Вон возьми в бутылке: так как... скуко звёздочёк этих — как сёребро» (Зап. от Марии Григорьевны Яковлевой, 1914 г. р., д. Змеева Новинка, Киришский р-н, Ленинградская обл. Соб. В. В. Виноградов, Е. В. Платонов. 2000 г.). Или: «Там вода хорошая. Сказали, девяносто шесть процентов серебра в этой воде» (Зап. от Лидии Михайловны, 1938 г. р., д. Рахово, Киришский р-н, Ленинградская обл. Соб. В. В. Виноградов. 2000 г.). Объяснение «серебряности» воды буквально: информант в силу своих взглядов на мир апеллирует либо к сокрытому священному предмету («серебряный крест»), либо придерживается «научного» объяснения особым свойством источника («слой бромистого серебра»). Или ученые — «профессора/врачи/медики» удостоверяют это при помощи специального «анализа». Таким образом, наблюдается тенденция по превращению «святой» воды в воду «экологически чистую». Интересно, что обсуждение «серебряности» воды обнаруживается у тех источников, где существует конфликт между традиционным и современным способами ее использования.

Столкновение представлений, характерных для разных поколений и культурных сред, не исчерпывает всё поле инноваций последнего времени, связанных с почитаемыми местами. Предметом дискуссии, как правило, становится что-то явное, бросающееся в глаза и не принимаемое как «норма» одной из сторон. Другие процессы заметны только при постоянном наблюдении за традиционной культурой региона. К ним можно отнести часовенное/церковное строительство и новое оформление пространства почитаемого места. Ситуация как бы возвращается к тому положению дел, которое существовало на начало XX в.: восстанавливается единый комплекс рукотворных и природных объектов, вписанных в определенный ландшафт. У святыни снова появляются специальные сооружения, манифестирующие религию местного населения.

В самих постройках, в их архитектурных особенностях отразились представления заказчиков о вере и православии вообще. Например, в окрестностях д. Пашозеро (Тихвинский р-н Ленинградской обл.) в 2000-е гг. возведены две часовни. Одна из них — Тихвинская — построена с ориентацией на традиционные образцы (во время проектирования использовались старые фотографии из собрания Российского этнографического музея). Это небольшой сруб, который окружает гullyбище, одно небольшое окно с восточной стороны, лемеховое покрытие крыши и луковки. Другая — Троицкая, — напротив, сложена исключительно из современных материалов (каркасная конструкция, большие окна, выполненные по технологии стеклопакетов, черепичная крыша). Каждая из часовен фиксирует определенный идеал — как, по мнению заказчика, должна выглядеть сакральная постройка. Правда, отмеченные признаки характерны для строений, возведенных приезжими людьми. Если часовня строится местным жителем (уроженцем), то, как правило, используются традиционные для данной местности образы. Для населения деревни/поселка архитектурные «детали» оказываются не столь принципиальными. Видимо, это связано с большим вниманием к функции таких построек как месту для молитвы. На первый план выходит сам факт — наличие часовни как таковой, которая подразумевает необходимые («пристойные») действия богомольцев.

Процесс вовлечения почитаемых мест в орбиту православной церкви — одна из современных тенденций народной религиозности. Отметим, что связь такого места с храмом людьми ощущалась всегда. В советское время «своя» святыня представлялась доступным «замещением» церкви, где можно было вознести молитву Богу. Здесь «правились» молебны «божественными бабушками». Вместе с тем, традиция священнического служения прервалась на целые десятилетия. У большей части местного населения оказался малый опыт участия в церковном богослужении. Всё это привело к сложению особого типа отмечаемого праздника почита-

емого мета. К местной святине приходят не к какому-то назначенному времени, а кто как сможет — желательно с утра. Как правило, молятся отдельными группами — «компаниями». Наиболее сведущий в религиозном плане человек читает при этом вслух молитвы. Таких посещений в праздничный день бывает несколько: одни приходят, другие уходят. Общего схода нет. В наше время такой «сценарий» начинает взаимодействовать с деятельностью местных священнослужителей. Снова возникает эффект совместной службы.

Обратимся к конкретному примеру. В 2003—2009 гг. автор участвовал в посещении на Успенье лесной часовни на Харагенском озере (Тихвинский р-н Ленинградской обл.)¹². Здесь совершается следующая череда обязательных действий. Утром из всех ближайших деревень на берег озера съезжаются желающие принять участие в богомолье. Хранитель часовни организывает «караван» лодок для перевозки людей через озеро к часовне (как правило, собирается около двух десятков человек). По прибытии все направляются в Успенскую часовню, где люди молятся, делают подношения и идут на кладбище. Далее начинается поминовение «родителей». Родственники стоят «на своих могилках» и угощают всех пришедших на праздник поминальной едой (спиртное и закуска). Каждый из богомольцев должен обойти все могилы, на которых происходит поминовение. После этого люди идут к лодкам и плывут обратно в Харагеничи. В деревне все разбредают по гостям.

В 2003 г. в Успенской часовне впервые за несколько десятилетий служил священник. Он немного опоздал к назначенному сроку, поэтому люди, приплывшие к часовне, вели себя по своему, «старому», праздничному порядку. Они помолились, поставили свечи, помянули родственников, но остались ждать батюшку. С приездом священника всё началось как бы заново: в часовне прошёл водосвятительный молебен, на кладбище — поминовение усопших. Пожалуй, это частное событие лучшим

¹² См. об этом почитаемом месте: [Виноградов 2008].

образом отражает современный этап в истории почитаемых мест. Это процесс сведения воедино разных «сценариев» молитвы у почитаемого места — прошлого и настоящего.

За последние годы изменился состав богомольцев, в частности соотношение «своих» и «дальних» паломников¹³. К некоторым почитаемым местам деревенские жители перестали ходить, что в первую очередь связано с плохими дорогами и пожилым возрастом многих желающих помолиться у «своей» святыни. Наоборот, повышается количество людей, пришедших/приехавших сюда издалека. Для них труднодоступность, удаленность в лес превращается в дополнительный стимул преодолеть дорогу к «особому» месту.

Можно говорить о существовании двух, во многом автономных, не связанных друг с другом источников знаний о почитаемом месте. Один — это комплекс устных рассказов о святыне, бытующих на определенной территории. Другой — религиозная литература и ресурсы сети Интернет. Например, публикация дневников путешествий. Как правило, они также базируются на сведениях различных электронных ресурсов, которые сочетаются с описанием личных впечатлений. «15.20. Из-за деревьев проглядывают первые строения. Это северные ворота: имеют широкий и высокий арочный проезд. <...> За ними погост и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, внутри которой расположена могила схимника Амфилохия. Посмотрите сайт “Малые города России” — там про это хорошо рассказано» [Уханов, 2006]. Одна из отличительных черт таких публикаций — почти полное игнорирование авторами местной информации. За исключением тех недолгих разговоров с «аборигенами», которые произошли на маршруте. Фольклорно-этнографические данные становятся достоянием этого информационного массива косвенно — через публикации или «перепубликации» научных работ. В качестве примера приведем выдержки из статьи о культовом кам-

не у д. Колмыково (Маловишеский р-н Новгородской обл.) [Виноградов 2003], которые оказались на сайте «Яндекс-фотки» (со ссылкой на публикацию) [Морозова].

Итак, в наши дни происходит установление в ходе многочисленных «местных дискуссий» нового отношения к почитаемому месту как явлению современной религиозности¹⁴. Этому способствует его функциональность — ориентация на потребности людей. Местные святыни оказались в зоне внимания людей, относящихся к разным поколениям и культурным стратам общества. Не менее важным следует считать процесс нового «воцерковления» данных объектов.

Литература

Белова 2004 — Белова О. В. Обет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 446–448.

Виноградов 2003 — Виноградов В. В. Почитаемое место у деревни Колмыково // Живая старина. 2003. № 3. С. 28–30.

Виноградов 2008 — Виноградов В. В. Из наблюдений за почитаемыми местами в зоне русско-вепских контактов // Временник Зубовского института. Вып. 1. СПб., 2008. С. 73–86.

Виноградов 2011 — Виноградов В. В. Народный религиозный нарратив: взгляд из 2000-х в 1990-е гг. // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14. М., 2011. С. 261–270.

Добрякова, Полознев 2004 — Добрякова О. И., Полознев Д. Ф. «Событийность» в культуре русского средневекового города: источниковедческий аспект (по материалам историко-культурной хроники Ярославля XVII в.) // История и культура Ростовской земли. 2003: Мат. науч. конф. Ростов, 2004. С. 260–267.

Кормина 2006 — Кормина Ж. В. Религиозность русской провинции: к вопросу о функции сельских святынь // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006. С. 130–150.

Кремлева 1994 — Кремлева И. А. Обеты в народной жизни // Живая старина. 1994. № 3. С. 15–17.

¹⁴ Среди них необходимо отметить и вовлечение местных святынь в сферу туристического бизнеса. Церкви, часовни, родник становятся обязательными объектами на маршруте, «экологической тропе».

¹³ См. об этом подробнее: [Панченко 2006, Кормина 2006].

Левкиевская 1997 — Левкиевская Е. Е. Москва в зеркале современных православных легенд // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 805—835.

Морозова — Морозова Н. Остатки почитаемого камня-следовика у д. Колмыково // Яндекс-фотки. URL: <http://fotki.yandex.ru/users/nadezhdmorozova/view/168506?page=16> (дата обращения 23.07.2010).

Панченко 1998 — Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Панченко 2006 — Панченко А. А. Иван и Яков — странные святые из болотного края (религиозные практики новгородской деревни) // Религиозные практики в современной России. Сб. статей / под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М., 2006. С. 211—235.

Савинова 1997 — Савинова И. Д. Новгородская епархия в годы хрущевских гонений на церковь // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 190—196.

Симфония 1900 — Симфония на Ветхий и Новый завет. Ч. 1—2. СПб., 1900.

СРНГ-22 — Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Обвивень—Одалбливать. Л., 1987.

СРНГ-9 — Словарь русских народных говоров. Вып. 9. Ерепень—Заглазеться. Л., 1972.

Уханов, 2006 — Уханов И. Реконьская пустынь (путешествие длиной в один день) // Скиталец. Сервер для туристов и путешественников. URL: http://skitalets.ru/ski/2006/gecon_ukhanov/index.htm (дата обращения 12.06.2008).

Шеваренкова 2004 — Шеваренкова Ю. М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004.

Щепанская 1999 — Щепанская Т. Б. Крестная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110—176.

Summary. *In the late XX — early XXI centuries there had been changes in the customary relationship between the man and his place of worship due to the transformation of the general idea of the promise, the form of prayer, the way to the holy place, the characteristics of the water, etc. The functional awareness of a local sacred place, namely, orientation to fill the needs of the people, had a lot to do with it. The process of enchurching of such places over is just as important.*

Key words: *place of worship, religious narrative, rituals, northwestern Russia, Russians, the Veps people.*

Е. В. ПЛАТОНОВ
(Санкт-Петербург)

ПОЧИТАЕМЫЕ МЕСТА ГДОВСКОГО РАЙОНА — КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И ФОЛЬКЛОР

(по материалам 2007—2010 гг.)

Аннотация. *Статья посвящена изучению особенностей и определению ключевых черт сельских почитаемых объектов и культовых мест северной части Гдовского р-на Псковской обл. Основное внимание уделено публикации фольклорных текстов о деревенских святынях, анализу составляющих культурного ландшафта региона, определению особенностей функционирования природных почитаемых объектов (родников, культовых и историко-культурных камней).*

Ключевые слова: *Гдовский район, часовни, почитаемые родники, почитаемые камни, каменные кресты.*

Обследование деревенских святынь северной части Гдовского района Псковской области проводилось в рамках решения более широкой задачи — составления каталога часовен бывшей Санкт-Петербургской губернии. В процессе обследования планировалось изучить специфику часовен региона, особенности построения культурного ландшафта в западной части губернии, определить преобладающие типы и функции деревенских святынь района. Деревни, в которых проводился опрос, расположены на территории бывшего Первого благочиннического округа, в приходах Доможирском, Каменного и Павлова погостов, Кярово (по берегу Чудского оз.), Щепец, Крапивно и Прибуж (по р. Плюссе). Основными типами культовых объектов на этой территории в конце XIX — начале XX в. были часовни, каменные кресты, почитаемые родники и камни-следовики, что традиционно для северо-запада России.

Часовни восточного побережья Чудского озера расположены в западной части области плотного распространения часовен, условно ограниченной линией г. Гдов — г. Сланцы — оз. Сомро.